

Алексей Цветков

опыт конца света

лучи заката били точно в сад
меж тёмных крон с артритными узлами
когда он был от нас внезапно взят
но мы об этом ничего не знали

мы там в саду играли в казаков-
разбойников в разводах глины лица
освобождая космос из оков
и в грунт копытами вбивая фрица

на брата брат налаживал кинжал
орал сержант ломовики потели
я там убитый кажется лежал
должны же в гарнизоне быть потери

игра игрой но он был взят от нас
притворно верить было бы нечестно
и свет над садом безнадежно гас
поскольку в нём его нужда исчезла

развеществлялась глина под пятой
стволы бледнели сбилась в пар погода
и вся реальность становилась той
какой ей быть после его ухода

гадать без пользы что его взяло
о тщетном мысли отгоняю прочь я
нас в наступленье поднимало зло
но в нём оно лишилось средоточья

мы даже не погибли в ту войну
всех по стеклу мороз размыл как сало
мы вместе жизнь не сдюжили одну
нас просто было а теперь не стало

Юлий Гуголев

На Земляном валу сломали чайхану.
Дом 30... 32, а между ними щель. Я...
я иногда здесь брал самсу, и не одну.
Здесь мой издатель не гнушался есть с
похмелья.

Здесь нелюбимый вами колорит
гостей столицы, выживших хозяев,
бывал хоть на мгновенье позабыт,
когда лагман вы брали, рот раззявив.

Никто не выжил здесь, ни пища, ни
едок.

Все снесено, надломлено, разбито.
Какой неутешительный итог
владельцам и клиентам общепита.

Где стол был яств (пусть пластиковый,
но...),
теперь всё тлен, где бож и ветер гуляет;
картофеля предсмертное зерно
скукоживается и как бы тает.

Приходит всей органике хана.
Потом и неорганике настанет.
Читатель ждет уж рифмы... молодец
Ну, ничего... Он скоро перестанет...

Поскольку после каждого из нас,
пусть смутен он анфас и зыбок в
профиль,
останется пустырь, провал, пролаз...
А вместо сердца – тлеющий картофель.
2019

Лев Лосев

БРОДСКОГО, 2

Вольный перевод из Верлена:

"Мужики замазюканные
кантовали рояли

из тучных грузовиков".

Видно, нам было велено:

в очереди за музыкой

мы за кем-то стояли

много веков.

Напрасные слёзы — слижем.

Что делать, коль нету блата.

Нас, как бубновую мелочь,
кроет король червей.

Поэтому мы не услышим

Моцарта, Гайдна, Баха,

не вольёмся в Мелос,

не выясним, что первой —

этика или эстетика?

или синица за морем?

Выпрашивание у Всевышнего,

вымаливание у Творца

лишнего билетика.

"Нет ли билетика лишнего?"

Мольба замирала за мрамором

Мраморного дворца.

Белая ночь. Ночь белая.

Пластрон в вырезе фрака.

Чёрные ля бемоли,

влюблённые в белые си.

Улыбка Рихтера беглая

из белёсого мрака

в чёрной лодке такси.

Улиц клавиатура.

По нотному стану проспекта

мы разбредались группами,

как аккорды Шопена.

Всё прочее — литература,

поскольку песенка спета.

Мы стали глухими и грубыми

потом, постепенно.

<p>Лев Лосев В пустом зале</p> <p>«Не отставайте», — нам сказали, но мы отстали и одни вдруг оказались в этом зале с огромным зеркалом в тени.</p> <p>На гобелене от Перикла остался выцветший овал, и рыхлый бархат слишком рыхло на низком троне истлевал.</p> <p>Сверкнули тусклые аканты и корешки потёртых книг, когда случайный луч закатный в окно под потолком проник.</p> <p>В нём золотая пыль дрожала и он то вспыхивал, то гас, но зеркало не отражало ни света этого, ни нас.</p> <p style="text-align: right;">2007</p>	<p>Лев Лосев <i>Eugene</i></p> <p>На кладбище, где мы с тобой валялись, разглядывая, как из ничего полуденные облака валялись, тяжеловесно, пышно, кучево,</p> <p>там жил какой-то звук, лишённый тела, то ль музыка, то ль птичье пить-пить-пить, и в воздухе дрожала и блестела почти несуществующая нить.</p> <p>Что это было? Шёпот бересклета? Или шуршало меж еловых лап индейское, вернее бабье, лето? А то ли только лепет этих баб –</p> <p>той с мерой, той прядущей, но не ткащей, той с ножницами? То ли болтовня реки Коннектикут, в Атлантику текущей, и вздох травы: «Не забывай меня».</p> <p style="text-align: right;">1996</p>
<p>Григорий Дашевский</p> <p>Орлы</p> <p>Благодарю вас ширококрылые орлы. Мчась в глубочайшие небесные углы, ломаете вы перья клювы крылья, вы гибнете за эскадрильей эскадрилья, выламывая из несокрушимых небесных сот льда хоть крупницу человеку в рот — и он еще одно мгновение живет.</p> <p style="text-align: right;">2013</p>	<p>Юлий Гуголев</p> <p>На Земляном валу сломали чайхану. Дом 30... 32, а между ними щель. Я... я иногда здесь брал самсу, и не одну. Здесь мой издатель не гнушался есть с похмелья.</p> <p>Здесь нелюбимый вами колорит гостей столицы, выживших хозяев, бывал хоть на мгновение позабыт, когда лагман вы брали, рот раззявив.</p> <p>Никто не выжил здесь, ни пища, ни едок. Все снесено, надломлено, разбито. Какой неутешительный итог владельцам и клиентам общепита.</p> <p>Где стол был яств (пусть пластиковый, но...), теперь всё тлен, где бомж и ветер гуляет; картофеля предсмертное зерно скукоживается и как бы тает.</p> <p>Приходит всей органике хана. Потом и неорганике настанет. Читатель ждет уж рифмы... молодец Ну, ничего... Он скоро перестанет...</p> <p>Поскольку после каждого из нас, пусть смутен он анфас и зыбок в профиль, останется пустырь, провал, пролаз... А вместо сердца – тлеющий картофель.</p> <p style="text-align: right;">2019</p>